

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
Факультет гуманитарных и социальных наук
Кафедра сравнительной политологии

**ВЕКТОРЫ ПОСТКРИЗИСНОГО МИРА:
НОВЫЕ МОДЕЛИ
ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ**

**Международная научная конференция,
посвященная 50-летию РУДН**

Москва, 17–19 октября 2010 г.

**Москва
2010**

ПОСЛЕ ЛИССАБОНСКОГО ДОГОВОРА: КАКАЯ ЕВРОПА И КАКОЕ БУДУЩЕЕ?

Асилио Роча

*профессор, департамент философии и культуры
Института искусств и гуманитарных наук,
Университет Минно, г. Брага, Португалия*

Европа — это политический концепт большого проекта, беспрецедентная попытка в истории мирным путём объединить народы, бывшие долгое время врагами, чьё прошлое славится как конфликтами, так и сотрудничеством. Этот по-настоящему космополитический проект мы постараемся рассмотреть в шесть этапов.

1. Европа между тождеством и различием

Сегодня Европейский Союз [ЕС] стоит на перепутье своей истории, переживая тройной кризис: его институты не функционируют так, как надо; его проект (развития), кажется, не работает; его территория неопределена, так как, впервые, ЕС задаётся вопросом о своих конечных границах. Однако как не удивляться сбоям в работе институтов ЕС, в то время как число его членов выросло менее чем за десять лет, сначала с 12 до 15, а затем до 25? Как можно не замечать, что необходимость рассмотрения вопроса о новом совместном проекте развития так же сильна, как успех предыдущих проектов — общего рынка и евро?

Во-первых, *территория Европы увеличилась*. Регион стал сильнее. Количество государств-членов выросло с 9 до 27. Это 500 миллионов граждан, почти вдвое больше, чем в США.

Европа также получила развитие вглубь. От союза, главным образом, экономического, с внутренним общим рынком, к Европе «политического сотрудничества» и затем — «общей внешней политики и политики безопасности» (Маастрихтский договор, 1992) и, наконец, «европейской политики безопасности и обороны» (1999). Европейский Союз приступил к своим первым военным операциям, либо под эгидой НАТО (Македония, Босния и

Герцеговина), либо самостоятельно (Республика Конго, Чад, борьба с морским пиратством у берегов Сомали).

Наконец, *Европа реформировала* свои институты. Когда европейский проект потерпел «провал» из-за отказа в 2005 году французов и нидерландцев ратифицировать «Европейскую конституцию», основные положения этого договора были перенесены в новый проект, Лиссабонский договор, вступивший в силу 1 декабря 2009 года. Этот договор призван сделать работу Европейского Союза более эффективной, более демократичной и последовательной, особенно в том, что касается его позиции в международных отношениях. Позволит ли это Европе на самом деле играть более активную роль и заслужить больше уважения от её партнёров, в частности Соединённых Штатов?

2. О Лиссабонском договоре

Отныне Европейский Союз является юридическим лицом. Напомним вкратце основные положения договора:

- Европейский совет, который объединяет глав государств, будет иметь Председателя, избираемого на два с половиной года.
- Союз будет иметь Высокого представителя по внешней политике и политике безопасности.
- Совет (ранее Совет министров) будет принимать свои решения быстрее квалифицированным большинством в 55% государств-членов, включающим, по меньшей мере, 65% населения Союза.
- Союз приобретёт новые функции в вопросе внешних связей, энергетики, космической политики и расширенные полномочия по проблемам свободы, безопасности и правосудия.
- Парламент обретает больше власти в вопросах бюджета, и расширяется его область принятия решений вместе с Советом. Парламент будет избирать Председателя Комиссии.
- Хартия по правам человека будет носить обязательную юридическую силу.
- Национальные парламенты будут участвовать в принятии решений.
- Граждане смогут обращаться в Комиссию, подавая ходатайства, заверенные 1 млн. подписей.

Тем не менее, риски разногласий не исключены: будет ли Европейский союз больше говорить в как единое целое благодаря Лиссабонскому договору? Чтобы придерживаться внешней политики, нужно будет, чтобы треугольник – Председатель Европейского Совета, Председатель комиссии, Высокий представитель – работал слаженно.

3. От межправительственной Европы к Европе федеральной

Меняющийся характер ЕС заставляет аналитиков обратить больше внимания на природу его динамики. Гипотезы сводятся к двум альтернативам. Одной – *межправительственной*, по которой ЕС становится для государств-членов средством по укреплению их сотрудничества при сохранении полного суверенитета; другой – *наднациональной* – ЕС в противоположность первой альтернативе должен заменить собой Организацию Объединённых Наций, становясь истинной федерацией. Однако система *двойного большинства*, предусмотренная Лиссабонским договором, должна быть более эффективной, чем та, что прописана по договору в Ницце, потому что она облегчает процесс формирования большинства, а значит и принятия решений; голосуя квалифицированным большинством, Совет становится всё меньше межправительственным и всё больше приобретает наднациональный характер.

4. Потребность в космополитизме

Появлению концепции «космополитического права» мы обязаны работе Канта: в первую очередь, речь идёт о концепции, которая добавляется *в помощь* государственному и правам человека. Космополитизм, таким образом, задуман как третье измерение современных государств, а не как новая высшая субстанциальность, которая их заменяет или уничтожает. В этом смысле, европейскую интеграцию следует рассматривать как одно, но не единственное парадигматическое начало *космополитического и постнационального* мира. Вызывает трудности именно *новизна* этой задачи: создание демократической политической реальности в рамках реальности национальных государств, и в то же время выходящей за их пределы и трансформирующей их.

5. «Добродетельный круг», между национальным и пост-национальным

Этот принцип космополитического и пост-национального строительства, поиска союза национальных государств на основе взаимного признания различных национальных принципов – *новый* в Европе и в мире – является многообещающим. Начала действительно устанавливаться некая транснациональная политическая культура, *добродетельный круг*, куда входят национальное законодательство, законодательство ЕС и транснациональные демократические обычаи.

В этом смысле, мы стоим на пути к изобретению новых инструментов политических действий – отличающихся от характера воздействия государств-наций. Это, несомненно, наиболее творческое изобретение современной эпохи; однако именно влияние государства-нации стало первой жертвой глобализации. Государства «становятся просто помощниками мировой экономики». Вместе с тем, явления, предоставленные самим себе, как правило, имеют тенденцию двигаться к дифференциации, а не в сторону союза.

6. «Сопряжённый суверенитет»

Логика европейской интеграции устанавливается путём компромиссов и шагов навстречу: «все участники связаны системой взаимозависимостей, от которой они могут оградиться, лишь чрезвычайно много заплатив. После пятидесяти лет интеграции, государства и общества больше не имеют возможности действовать самостоятельно, а только в рамках Европейского синтеза» (Ulrich Beck, “Les deux grands leurres européens”, *Courier International*, n°760, 26 mai 2005). Новизна и сложность этой схемы затрудняют её реализацию; так, понятие «многоуровневого управления» определяется как прикрытие «неиерархических систем переговоров, регулирования и административной политики, которые выходят за рамки традиционного рассмотрения иерархического и суверенного государства в качестве конечной арены принятия решений и разрешения конфликтов» (T. Christiansen, 1996, *Reconstructing European State: from territorial politics to multilevel*

gouvernance, EU Working Center 96/53, European University Institute, p. 13.). Поэтому мы говорим о *сопряжённом суверенитете*, названным так потому, что глобальные вызовы преодолеваются лучше в условиях разделённого суверенитета, чем изоляционистского. Борьба с глобальным потеплением, укрепление энергетической безопасности, борьба против неравенства и бедности, борьба с организованной преступностью и регулирование миграционных потоков – глобальные задачи, которые требуют широкого подхода безопасности, и для решения которых вся Европа должна действовать в соответствии с вызовами глобализации.

APRÈS LE TRAITÉ DE LISBONNE: QUEL AVENIR? QUELLE EUROPE?

Acílio da Silva Estanqueiro Rocha
Instituto de Letras e Ciências Humanas
Universidade do Minho – Braga

L'Europe est donc une idée politique autour d'un grand dessein, une tentative sans précédent dans l'histoire, à savoir, unir pacifiquement des peuples longtemps ennemis dont le passé fut aussi pleine de conflits que de coopération. C'est ce dessein, vraiment *cosmopolitique*.

L'actuelle Union Européenne [UE] est à un tournant de son histoire; elle traverse une triple crise: ses institutions ne fonctionnent pas bien; son projet semble s'être arrêté; son territoire est incertain, car, pour la première fois, l'UE se pose aussi la question de ses frontières ultimes.

La construction européenne est à concevoir comme *un* (mais non pas le seul) commencement paradigmatique de la construction *cosmopolitique* et *post nationale* de l'humanité. Ce qui la rend difficile est donc la *nouveauté* de cette tâche: construire une réalité politique démocratique qui vit de la réalité d'États nationaux mais les dépasse et transforme.

Ce principe de construction cosmopolitique et post nationale, de chercher une union entre les États-nations par la reconnaissance mutuelle de différents principes nationaux – *nouveau* en Europe et dans l'humanité –, est porteur d'avenir: il y a vraiment une culture politique transnationale qui commence à s'installer, un *cercle vertueux* entre législation nationale, législation communautaire et mœurs démocratiques transnationales.

La logique de l'intégration européenne se fait donc à travers des compromis et des pas réciproques: "tous les acteurs sont liés par un système d'interdépendances dont ils ne peuvent s'extraire qu'à un coût extrêmement élevé. Après cinquante ans d'intégration, les États et les sociétés n'ont plus de capacité d'action que dans le cadre de la synthèse européenne" (Ulrich Beck, "Les deux grands leurres européens", *Courier International*, n° 760, 26 mai 2005). La nouveauté de cette configuration et sa complexité rendent son approche difficile; ainsi, la notion de "gouvernance multi-niveaux", définie comme recouvrant "des systèmes non-hiérarchiques de négociation, de régulation et d'administration politiques allant au-delà de l'acceptation traditionnelle de l'État hiérarchique et souverain comme arène ultime de prise de décision et de résolution des conflits" (T. Christiansen, 1996, *Reconstructing European State: from territorial politics to multilevel governance*, EU Working Center 96/53, European University Institute, p. 13.)

Il s'agit donc de la souveraineté complexe, ainsi nommé car les défis se vainquent mieux par une souveraineté partagée que par une souveraineté isolationniste. La lutte contre le réchauffement climatique, le renforcement de la sécurité des approvisionnements énergétiques, la lutte contre les inégalités et la pauvreté, la lutte contre le crime organisé et la régulation des flux migratoires sont en outre des enjeux globaux qui plaident pour une approche large de la sécurité, et dans lesquels l'action européenne globale doit s'articuler avec les défis de la mondialisation.